

Трасянка: национально-прецедентный феномен или «ключевое слово текущего момента»?

Татьяна РАМЗА,
кандидат
филологических наук

Прошло более 20 лет с тех пор, как слово *трасянка* прочно вошло в лексикон, наверное, каждого белоруса. Появившись и стойко «закрепившись» сначала в публицистическом дискурсе, а потом и во Всемирной паутине, оно плавно перекочевало в научный дискурс, настойчиво претендуя на статус термина (некоторые исследователи уже оперируют им как таковым). Популярность этой темы в СМИ, а тем более в Интернете, создала идеальные условия, чтобы *трасянка* стала своеобразным символом Беларуси, наравне с *бульбай*, зубром, Беловежской пущей, аистом, васильком. Заметим, что и в глазах других народов, то есть за пределами страны, *трасянка* стала устойчиво ассоциироваться с Беларусью и белорусами, тем самым претендуя на национально-прецедентный феномен.

ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ?

Уточним, что под *прецедентными феноменами* понимаются такие феномены (ситуация, текст, имя, высказывание), которые: «1) хорошо известны всем представителям национально-лингво-культурного сообщества; 2) актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; 3) обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного представителя национально-лингво-культурного сообщества» [1, с. 58].

Показательным в этом отношении, на мой взгляд, является вывод немецкого профессора Т. Бона после прошедшей в Минске в марте 2009 года немецко-белорусской

конференции «Belarus' zwischen Ost und West. Von der polnisch-litauischen Union zum russisch-sowjetischen Imperium», на которой была представлена панель о *трасянке*: «Находится ли эта смешанная форма речи на пути к собственно языку, в данный момент нельзя с уверенностью прогнозировать. Но в любом случае было бы правильно заключить, что *трасянка* – это выражение специфической культурной идентичности» [2, с. 4] (перевод с немецкого мой. – Т.Р.). Так о какой культурной идентичности идет речь?

ТРАСЯНКА КАК ЛЕКСИЧЕСКИЙ МАРКЕР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

В 1990-х годах вместе с перестройкой и демократией в Беларусь пришла свобода на публичное выражение своего отношения к любым общественным явлениям. Демократизация в СМИ проявилась, прежде всего, в открытых, я бы сказала, «оголенно» негативных дефинициях Беларуси и белорусов, что было, безусловно, реакцией на определенную аполитичность белорусского народа, на так называемую *белорусскую толерантность* и, конечно, на упорное нежелание большинства белорусов говорить на родном языке. Многочисленные сравнения, перифразы, пейоративные метафоры, реминисценции, игра слов, которые используются публицистами, в совокупности создали тот об-

ОБ АВТОРЕ

РАМЗА Татьяна Ростиславовна

Родилась в д. Узмены Миорского района Витебской области. В 1990 году окончила Белорусский государственный университет. Работала в Горецкой сельскохозяйственной академии на кафедре русского и белорусского языков. В 1995 году окончила аспирантуру при кафедре современного белорусского языка Белорусского государственного университета и работала в Институте языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси. С 1998 года – доцент кафедры современного белорусского языка Белгосуниверситета. Кандидат филологических наук (1996), доцент (2000). Автор двух научных монографий, ряда учебных пособий и научных публикаций. Сфера научных интересов: синтаксис, лингвистика текста, разговорная речь, белорусский язык как зарубежный.

раз страны (*пахмурны край*) и ее жителей (*трасяначнікаў*), по которым не только мы, но и другие народы судили и судят о нас [3].

Но всякие характеристики, как известно, предполагают у читателя или слушателя фоновые знания: осведомленность о политических и экономических событиях, происходивших в стране; знание истории белорусского народа и становления белорусской государственности; определенную компетентность в культурной жизни страны. В конце концов, они требуют активного владения языком, чтобы адекватно воспринять авторский сарказм, игру слов, подтекст.

Дорожный указатель в Слуцком районе

Слово *трасянка* в отношении речи белорусов появилось в конце 1980-х и приобрело особенную остроту после публикации в таллинском журнале статьи З. Позняка «Двуязычие и бюрократия». С этого момента, кажется, началось триумфальное шествие самого слова из одного периодического издания в другое – «на *трасянку*» появилась мода, то есть в любых пропорциях смешанную речь (и не только ее) стали именовать исключительно *трасянкой*.

Позволю себе напомнить, что Позняк открыто писал о политической направленности своей статьи о билингвизме и четко расставил акценты: «Научные исследования всей совокупности проблем билингвизма крайне необходимы, также как и учет зарубежного опыта. Однако в условиях засилия бюрократизма <...> не менее важным является представление о социально-политической стороне проблемы» [4, с. 45].

Слово, направленное в адрес «обобщенного образа» бюрократии – виновницы, по словам Позняка, «полуязыка», «трасянки» 50–60 % белорусов, – пришлось по вкусу всем, кто считал себя настоящим белорусом и, конечно же, к этой категории «по-

луговорящих» не относился. Пейоративная метафора, хлесткая, оскорбительная, адресованная одному социальному слою, была, как ярлык, «приклеена» на всю страну и ее жителей.

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО ВТОРОГО БЕЛОРУССКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Господство слова *трасянка* в политическом и публицистическом дискурсах полностью совпадает со вторым белорусским возрождением, начавшимся в 1989 году [5]. До этого момента будучи только регионализмом, но стремительно актуализировавшись в прессе в качестве оценочной метафоры, оно стало *ключевым* именно «у працэсе барацьбы за адраджэнне беларускай мовы» [6]. Научно обоснованные термины *наццолект* [7] в отношении русской речи белорусов, *смешанная речь* и др. на волне второго возрождения были «слишком научные» и «ничего не говорящие» большинству белорусов, а слово *трасянка* в силу своей прозрачной мотивировки было понятно всем, легким для запоминания, произношения и использования.

Трасянка, как и любое «ключевое слово текущего момента» (термин Т. Шмелевой), – «явление не собственно языковое, причины выдвижения в их число – экстралингвистические, этот особый статус слова оказывается небезразличным для его собственно языковой жизни» [8, с. 34].

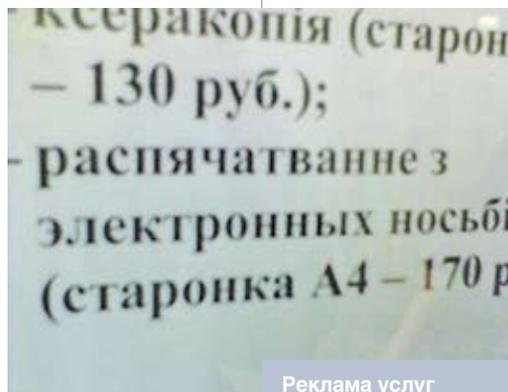
Именно по лингвистическим приметам, выявленным Т. Шмелевой, *трасянка* относится к «ключевым словам текущего момента». Среди них: частотность использования; центральная позиция в СМИ; грамматический потенциал слова (все возможные формо- и словообразования): *трасяначны, трасянкавы, трасяначнік, трасянкамоўны, трасянкавасць, мататрасянка, дражнілка-трасянка, трасянкаязычны, трасянкагаворачы* и др.; синтагматика слова, т.е. формирование новых сочетаемостных «привычек» слова, в том числе и за счет негативных эпитетов: *трасянка чыноўніцкая, легалізаваная, абрушаная, знакамітая, жажлівая сваёй убогасцю, брыдкая, жудасная, всемогучая, естэсвенная, врожэнная, неіскоренімая* и др.; парадигматика, т.е. формирование

новых синонимических и антонимических связей: *трасянка* ↔ *речь/идиом/код/язык*; *трасянка* ↔ *культура*; *трасянка* ↔ *жыццёвая нейладкаванасць* и др.; дефиниции (по формуле «X – это то-то»): *трасянка* – «это даже не язык, а черт знает что» (О. Андреева) и др.; языковая рефлексия (слово как объект вкусовой оценки): «*змешаная мова, ці «трасянка», як яе прынята цяпер называць*» (В. Вячорка), «Наравне с русским и белорусским языками в Белоруссии существует и промежуточная форма смешанной речи – так называемая «трасянка» (Ю. Коряков) и др.

Таким образом, *трасянка*, появившись как «ключевое слово текущего момента», полностью заменила собой термин *смешанная речь*. Более того, слово в публицистическом и интернет-дискурсах получило смысловое расширение и приращение. Однако надежды, которые возлагались на действенность слова *трасянка* в «борьбе» за возрождение белорусского языка и чистоту говорения, не оправдались; эффект был скорее противоположный: массовый белорус отказался как раз не от русского языка, а от белорусского. На вопрос «Почему вы не говорите по-белорусски?» один из наиболее популярных ответов: «Не хочу говорить на *трасянке*».

ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ ВЗГЛЯД НА СМЕШАННУЮ РЕЧЬ

Диапазон «лингвистического» понимания *трасянки* практически необъятен: от белорусского акцента в русской речи до смешения белорусских диалектов. На мой взгляд, это слово стало своего рода резервуаром, куда «сбрасывают» всё, что считается не белорусским. Причем в оценке не белорусского(ой) языка/речи говорящий исходит из свойственной ему «системы языковых представлений», то есть абсолютно субъективно [см. также: 9, с. 55].

Реклама услуг в библиотеке одного из вузов Минска

Первые, я их назову «любительские», попытки фиксации лексических единиц *трасянки* с приведением им литературного белорусского (и русского) эквивалента некоторые языковеды склонны рассматривать как своего рода шутку [5, с. 177], но, в действительности, это были далеко не безобидные публикации. Во-первых, потому что они достаточно оскорбительны в отношении белорусов, говорящих не на литературном языке, в первую очередь сельских и городских жителей, общающихся на диалекте (ср.: «Давайце бараніць чысціню моваў – беларускай і рускай. Пакажам беларусам іхнюю моўную жвачку (выделено мною. – Т.Р.) – можа, хоць пасмяюцца над сабой» [10, с. 2]); во-вторых, в таких якобы «шуточных» текстах нередко пропагандировались грубые лексические, синтаксические и стилистические ошибки (*пасмяюцца над сабой* – хрестоматийный пример русско-белорусской грамматической интерференции); ср. также словарь [11], в котором рекомендовалось использовать: вместо *загінуўшы* – *палеглы* (но если сочетание *палеглыя ў вайне* абсолютно корректно, то *палеглыя ў аварыі* – стилистически невозможно); вместо *прафесіянальны* – *прафесійны*, вместо *барацьбіт* – *барэц* (но это паронимы, у них разное значение); вместо *у адрас* – *на адрас* (но эти конструкции имеют разную глагольную сочетаемость: *штосьці паслаць на адрас кагосьці*, но *штосьці сказаць у адрас кагосьці*).

Авторы таких «любительских» статей, оценивая и анализируя *трасянку*, исходили из основной семы слова «страсаць, змешваць», но парадокс в том, что они сами предлагали взамен «смесь». И не только приводенные выше примеры смеси грамматической и стилистической, но и смесь лексическую. Одни причисляли к *трасянке* слова *засядацель, кактэйль, каробка, чайнік, чамадан* и др., предлагая белорусские эквиваленты: *лаўнік, трунак, пушка, імбрык, валізка* [11] (ср. с польским: *ławnik, trunek, puszka, imbryk, walizka*); другие, предостерегая, что «дыялектызмы да трасянки не адносяцца» [10], приводили слова *дзярэўня, прадсядацель, рабёнак, ўрэмя, цвяток* и др., которые встречаются в диалектной речи практически на всей

территории Беларуси и зафиксированы в диалектных словарях.

Надо признать, что уже первые попытки «собрать» т. н. *трасянку* показали, что тот речевой «объект», в адрес которого было «выброшено» столь нелестное слово, в действительности оказался не так прост не только для объяснения в двух терминах – «белорусское»/«русское», но и для понимания, что является первичным в таком смешении: русское, просторечное или диалектное.

Критериев отнесения слова к *трасянке* нет и сегодня, но очевидно одно: если речь идет о научной стороне вопроса, то объяснять феномен смешанной речи в Беларуси лишь на основании сравнения литературной нормы кодифицированных русского и белорусского языков некорректно. Необходим учет и узуальных норм их нелитературных устных форм, прежде всего диалектной (в том числе и ее зональных вариантов) и разговорной речи (ср. подход «фронтального исследования «трасянки»» М. Конюшкевич [12, с. 50] или комплексный подход С. Запрудского [5, с. 191–194]).

КАК СЛОВО НАШЕ ОТЗОВЕТСЯ...

Чтобы предупредить экспансию слова в научный дискурс, в начале 1990-х А. Михневич, будучи редактором создаваемой энциклопедии «Беларуская мова» (1994), не согласился разместить в ней статью «Трасянка» [13]. Уже с первой своей публикации об этической стороне белорусско-русского двуязычия в журнале *Russian Linguistics* (1994) профессору

Слов на трасянке не найти в словарях

Н. Мечковской приходилось оспаривать мнения зарубежных коллег, что «в Беларуси не знают как следует ни белорусского, ни русского» (Dingley, 1989) или что в Беларуси существует «шизогласия» (Wexler, 1992) [цит. по: 14, с. 38].

Если в конце XX века дискурс *трасянки* (как совокупность текстов о ней) включал – за редким исключением – только негативные эмоционально-риторические оценки, высказывания, комментарии и публикации творческой интеллигенции в прессе, «любительские» обсуждения на виртуальных форумах, в чатах и блогах всеми, кому это небезразлично, то в начале XXI в этом дискурсе преобладают научно-популярные и сугубо научные (социо)лингвистические статьи в научных журналах и сборниках, защищенные диссертации, дискуссии на научных конференциях (в том числе и посвященные именно этой проблеме), а также научные проекты.

ЯЗЫКОВОЙ ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Трасянка как смешанная форма двух языковых систем не уникальна в мировой языковой практике (на это указывали Г. Цыхун, Н. Мечковская, Э. Смуклова, М. Слобода, Г. Бидер, А. Михневич, Ю. Коряков, С. Запрудский, Г. Хенчель и др.). Уникально, по-моему, то, с какой охотой сами белорусы, в первую очередь, «ухватились» за данную метафору. Хотя и этому есть

ГДЕ КУПИТЬ ЖУРНАЛ?

АДРЕСА МАГАЗИНОВ И КИОСКОВ «БЕЛСОЮЗПЕЧАТИ» В МИНСКЕ, ГДЕ ПРОДАЕТСЯ ЖУРНАЛ «БЕЛАРУСКАЯ ДУМКА»:

Автовокзал «Восточный»	Ул. К. Маркса, 1	Ул. Славинского, 37А
Ул. Володарского, 16	Ул. К. Маркса, 21	Ул. Советская, 11
Ул. Володарского, 22	Ул. К. Маркса, 38	Ул. Сурганова, 40
Ул. Есенина, 16	Нац. аэропорт Минск	Ст. метро «Пл. Победы»
Ул. Жилуновича, 31	Пр. Независимости, 8	Ст. метро «Пушкинская»
Ул. Жуковского, 5/1	Пр. Независимости, 44	Ст. метро «Уручье»
Ул. Жуковского, 10А	Пр. Независимости, 74	Торг. центр «Столица»
Ул. Запорожская, 22	Пр. Партизанский, 56	Ул. М. Танка, 16
Ул. Кижеватова, 80/1	Пр. Победителей, 51/1	Ул. Филимонова, 63
Ул. Я. Коласа, 67	Пр. Победителей, 91	Ул. В. Хоружей, 24 к. 2
Ул. Ленина, 14	Пл. Привокзальная, 3	Бул. Шевченко, 7
Ул. Ленина, 15	Пр. Пушкина, 77	
	Пр. Рокоссовского, 140	

логическое объяснение: стремление творческой интеллигенции к языковому идеалу, воплощенному в кодифицированном белорусском (русском) языке, спровоцировало резко негативное восприятие смешанной речи и всевозможные ее оценочные характеристики.

В социалингвистике, как известно, существует термин *матрица общения* (некая совокупность социальных ролей), которая находится в соотношении с *кодовой матрицей* (набором функционирующих в данном обществе кодов): «в зависимости от того, какую роль в тех или иных условиях играет говорящий, он использует соответствующий код. В большинстве случаев это соответствие имеет значение обязательного правила, отступления от которого рассматриваются членами языкового коллектива как нарушение неких (обычно подразумеваемых, но не выраженных эксплицитно социально-речевых норм)» [15, с. 14–15].

В отношении нашей страны это означает: резко негативное отношение к смешанной речи в конце XX века (когда и возникло слово *трасянка*) проявилось потому, что была нарушена *кодовая матрица*, т.е. на официальном уровне (Верховный Совет, СМИ и т.д.) демонстрировался националект в совокупности с диалектом, а по логике должен был звучать исключительно кодифицированный русский / белорусский язык.

Смешанная речь сама по себе не может быть национальным феноменом, так как это натуральное явление любого двуязычного общества, о чем в свое время писали Бодуэн де Куртене и Л.В. Щерба [16]. В известной мере, с точки зрения прагматики, такая речь – это «языковой конформизм говорящих в определенных социалингвистических и психолингвистических условиях, когда индивидуум вынужден приспосабливаться к возникшей конкретной языковой ситуации (сознательно или бессознательно ориентируясь на те известные ему нормы речи, которые он считает престижными или господствующими в данной языковой ситуации)» [9, с. 60].

Феноменальное, на мой взгляд, в Беларуси то, что, при доминировании русского языка во всех сферах, русская речь белорусов имеет устойчивые, почти неискоренимые

белорусскоязычные черты. Быть может, в этом и есть «выражение специфической культурной идентичности» белорусов...

Что касается *трасянки*, то это слово не имеет конкретного денотата (как *кикимора*), поэтому каждый интерпретирует ее по-своему. Позитивным результатом распространения лингвонима и всевозможных его «любительских» трактовок стал тот факт, что в XXI веке белорусско-русская смешанная речь стала объектом глубоких научных исследований лингвистов и социологов. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Bohn, Tohmas M. Belarus' zwischen Ost und West. Von der polnisch-litauischen Union zum russisch-sowjetischen Imperium [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ahf-muenchen.de/Tagungsberichte> – Дата доступа: 01.06.2009.
3. Рамза, Т. Демократизация содержания текстов массмедиа (на материале вторичной номинации Беларуси и белорусов) // Acta Neophilologica. – 2006. – VIII. – С. 147–154.
4. Позняк, З. Двужычыце і бюрократызм / З. Позняк // Радуга. – 1988. – № 4. – С. 36–50.
5. Запрудскі, С. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянке», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук / С. Запрудскі // АРСНЕ. – 2009. – № 11–12. – С. 157–200.
6. Свяжынскі, У. З гісторыі беларускай «трасянке» / У. Свяжынскі // Наша слова. – 1990. – № 2. – С. 5.
7. Гируцкий, А.А., Михневич, А.Е. О языковом и лингвистическом статусе «нациолекта» / А.А. Гируцкий, А.Е. Михневич // Вариативность как свойство языковой системы (тезисы докладов). – Москва: Наука, 1982. – Ч. 1. – С. 77–79.
8. Шмелева, Т.В. Ключевые слова текущего момента / Т.В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
9. Цыхун, Г. Языковая ситуация и смешанные формы речи в Беларуси / Г. Цыхун // Съпоставително езикознание / Сопоставительное языкознание / Contrastive Linguistics, XXXI. – 2006. – № 1. – С. 55–61.
10. Трасянка-беларуска-рускі слоўнік // Круг. – 1996. – № 1. – С. 2.
11. Дубавец, С. Жывы дух мовы – суладнасць / С. Дубавец // Наша слова. – 1990. – № 2. – С. 6–7.
12. Коношкевич, М.И. Проблемы социума, говорящего на «белорусско-русском языке» / Коношкевич М.И. // Язык и социум: материалы III Международ. науч. конф., Минск, 4-5 дек. 1998 г. / под ред. Л.Н. Чумак. – Минск: РИВШ, 2000. – С. 48–53.
13. Михневич, А. Навукі без зўрыстыкі, без нейкіх, хоць маленькіх, але адкрыццяў, проста не існуе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mab.org.by/materyjaly/intervju>. – Дата доступа: 12.05.2009.
14. Мечковская, Н.Б. Языковая ситуация в Беларуси: этические коллизии двуязычия / Мечковская Н.Б. // Белорусский язык: Социалингвистические очерки. Specimina philologiae Slavicae. – München: Verlag Otto Sagner, 2003. – Band 138. – С. 21–46.
15. Крысин, Л.Г. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество: Межвуз. науч. сб. / Саратов. гос. пед. ин-т; редкол.: Л.И. Баранникова (отв. ред.) [и др.]. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1977. – Вып. 4. – С. 3–19.
16. Бодуэн де Куртене, И.А. О смешанном характере всех языков // Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – Москва: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 1. – С. 362–372; Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – С. 60–73.